

Е. Н. Мотовникова

«Чужие» или «Другие»?

Культурно-исторические метаморфозы проблемы внеземных цивилизаций¹

...Лучик зеленой звезды на рассвете.
Красной планеты ночное сиянье.
Как мне без вас одиноко на свете,
о недоступные мне марсиане!

Юрий Левитанский

В своей книге Б. И. Пружинин замечает в контексте разговора о науковедческих штудиях П. А. Флоренского: «Надо сказать, что в те времена, когда развертывались программы русской “положительной философии”, само обращение при анализе гносеологической проблематики к “запросам нашего сердца”, т. е. ценностно-ориентированному, “социокультурному”, как теперь говорят, аспекту научного познания, было делом весьма неординарным². Если это так, то еще интереснее выглядит необычный опыт одного из первых оригинальных русских философов науки, Н. Н. Страхова, который анализирует ценностные и исторические предпосылки ряда концепций «истории мнений о жителях планет»³. «Жители планет» — такое странное название дал он сначала статье, а потом и центральной по идейно-содержательной значимости части своей главной книги «Мир как целое». Содержание этого раздела подводит к важнейшему для всей страховской антропологии выводу о центральности положения человека в едином цельном мироздании; заключительная глава его названа «Человек — центр мира» — и тут же такое несерьезное общее заглавие — почему? Для привлечения внимания массового читателя? Для маскировки сложности проблемы и слишком серьезных выводов⁴?

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-03-00336 «Концептуальный каркас культурно-исторической эпистемологии и современные тенденции в методологии гуманитарных исследований».

² Пружинин Б. И. *Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии*. М., 2009. С. 141.

³ Страхов Н. Н. *Мир как целое / Предисл., коммент. Н. П. Ильина (Мальчевского)*. М., 2007. С. 209.

⁴ Так, в ответ на критику Л. Н. Толстым в переписке стиля «Жителей планет» Страхов писал: «Огорчение заключается вот в чем: Вам не нравится, когда я принимаюсь шутить (напр. Жители планет); я и прежде догадывался, что как толь-

Тем не менее Страхов действительно знакомит своих читателей с изрядной коллекцией авторитетных ученых и мыслителей Нового времени, прямо или косвенно высказывавшихся по проблеме обитаемости внеземных миров. При этом собственное отношение к вопросу он не только выдает намеком через название и общий иронический тон всей статьи⁵, но и явно провозглашает под заголовком «Правильная постановка вопроса». Эта глава начинается недвусмысленным замечанием о том, что «не только у нас нет никаких сколько-нибудь важных причин принимать их <планетных жителей> существование, но что даже самое легкое, простое и ясное предположение будет именно отрицание этого существования»⁶. Почти с первых

ко я оставляю сухие, холодные рассуждения (так отозвался один приятель вообще о моем писании), так у меня выходит что-то странное. Из этого для меня следует тот вывод, что я не могу дать живого, теплого тона тому, что пишу. Нечего делать; придется вперед оставить попытки на глубокомысленную и тонкую шутовщину» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894 // Толстовский музей. Т. II / Предисл. и примеч. Б. Л. Молзалева. СПб., 1914. С. 21—22).

⁵ Собрав разрозненные статьи в книгу, Страхов подчеркнул в Предисловии эту мысль как выражение своего философского понимания современного состояния умов: «Люди мечутся, ища выхода, ищут страдания и почитают за стыд быть довольными этою жизнью, как она есть. Самые глупые, спиритисты, уже переделали мир по-своему и наслаждаются беседами с *жителями планет*. Другие, политические фанатики, мечтают о том, чтобы переделать человека, изменить ход *всеобщей истории*. Чтобы найти себе какой-нибудь выход, они разжигают в себе чувство недовольства современным порядком мира, жизнью, нравами и свойствами людей, и тогда начинают верить в какое-то *новое* человечество, которое будет свободно от самых коренных свойств человеческой природы и которое в сущности такая же мечта в *будущем*, как жители планет, беседующие со спиритистами, в *настоящем*. Так стремятся люди насытить желания своего сердца; одни вздыхают о прошедшем и погружаются в него, облекая его фантастическими красками; другие мечтают о будущем, третьи населяют планеты и звезды. Никто только не думает, что задача должна быть решена *теперь* и *здесь* и что всякое перенесение решения в другое время и в другое место есть только обман, которым мы сами себя тешим. Если же кто это и чувствует, то не умеет ни формулировать вопроса, ни приняться за его решение; современное просвещение не дает для этого средств. Так что в настоящее время едва ли не самый мудрый тот, кто, питая некоторое недоверие к Неисследуемому, отказывается от попыток схватить умом роковую задачу и находит удовлетворение в ее практическом решении, то есть в возможном исполнении *долга*» (Предисловие к первому изданию. 18 октября 1872 года // *Страхов Н. Н. Мир как целое*. С. 68—69).

⁶ *Страхов Н. Н. Мир как целое* С. 215. Интересно сравнить это здравомыслящее рассуждение с современным выражением столь же здравого понимания внезапного происхождения интереса к «инопланетянам». На просветительском сайте публикация отрывка из книги «Пять нерешенных проблем науки» А. Уиггинса и Ч. Уинна начинается словами: «Ученых, как и всех, будоражит возможность существования внеземной жизни. Однако действительность такова, что, помимо представлений на кино- и телеэкране, на страницах книг, на сайтах Всемирной Паутины и бесчисленного числа рассказов “очевидцев”, *нет ни одного научного свидетельства наличия жизни вне Земли*. Тем не менее научные поиски ведутся на обоих

страниц, едва заинтриговав читателя обещанием ответить на вопрос, есть ли жители на планетах, автор заявляет, что планеты и звезды вовсе не нуждаются в жизни, что «желание представлять себе *иную* жизнь, отличную от нашей человеческой, — вот, без сомнения, главное основание, по которому мы населяем планеты жителями. <...> Если прежде из того же стремления родились олимпийские боги или духи подземные, водяные и воздушные, — то ныне, когда более точные исследования доказали отсутствие этих существ в указанных местах, мы, сообразуясь с научными открытиями, нашли, что эта иная, не наша жизнь, <...> может поместиться на других планетах. Мы радуемся, что астрономия развязала нам руки или, выражаясь другими словами, доказала бесконечность мироздания. Теперь, если бы даже строгие изыскания показали, что на планетах Солнечной системы вовсе нет жителей <...> мы будем подвигаться дальше и дальше и будем при этом находиться в приятной уверенности, что места для наших поселений всегда хватит. Понятие об иной жизни, отличной от человеческой, глубоко и крепко коренится в человеческом духе. Как легко видеть, оно имеет значение величайшей важности, потому что неразрывно связано с тем смыслом, какой мы придаем нашей земной жизни. <...> Как светлый или темный фон, на котором резко рисуются формы нашей земной, человеческой жизни»⁷.

В чем же тогда состоит интерес самого автора разбираться с заведомо ясным вопросом? Скорей всего, здесь сыграл решающую роль тот познавательный мотив, в котором Н. Н. Страхов признавался позднее: «Нет ничего интереснее, как исследование заблуждений, ибо оно ведет к познанию самой глубокой стороны человеческого существа. <...> Предрассудки и заблуждения — это какое-то творчество, постоянно живое в душе человека, имеющее корни в самом его существе. Наука обыкновенно тщеславится тем, что она разрушает заблуждения и предрассудки; но, если она только этим разрушением и ограничивает свою деятельность, то ей можно сделать справедливый упрек, что она пуста и безжизненна, что насытиться ею невозможно. Таким образом, тут возникает вопрос и о целях и действиях науки, и о душевной жизни, взятой в ее целостности»⁸. Мысль эта — не только оригинальный аргумент Страхова в пользу известной характерной установки русской философии на выработку цельного знания о цельном человеке, но и представ-

---

фронтах, теоретическом и экспериментальном» (URL: <http://nasha-vselennaiia.ru/?p=322>, дата обращения 17.03.2014).

⁷ Страхов Н. Н. Мир как целое. С. 216—217.

⁸ Страхов Н. Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. VI—VII.

ляется хорошим примером того самого «обращения при анализе гносеологической проблематики к “запросам нашего сердца”»⁹.

Поскольку сам Н. Н. Страхов ни в каких, по-нашему говоря, инопланетян не верит, то он берет для разбора заблуждений не просто ходячие мнения, но ряд известных в читающем мире произведений авторитетных в науке и просвещении авторов, выразивших эти мнения наиболее последовательно, осознанно и обоснованно — ведь именно характер рассуждений и предрассудков интересует его прежде всего.

Первым и важнейшим разбираемым автором Страхов выбирает Лапласа с его «Изложением системы мира», в котором о «жителях планет» не говорится почти ничего, признается только весьма высокая вероятность их существования на том основании, что мир велик: «Человек, созданный для температуры, которой он пользуется на земле, не мог бы, по всей вероятности, жить на других планетах; но не должно ли существовать бесконечное множество организаций, соответствующих различным температурам шаров этого мира? Если одно различие стихий и климатов вносит столько разнообразия в земные произведения, то насколько больше должны различаться произведения различных планет и их спутников? Самое деятельное воображение не может составить об них никакого понятия, но их существование, по крайней мере, очень вероятно»¹⁰. Сначала Н. Н. Страхов как будто не собирается обсуждать вероятность и степень различий «организаций», произведенных в бесконечном множестве планет, а обращает внимание на воспевание математиком, скептиком и материалистом Лапласом «высокого достоинства» науки астрономии, открытия которой «оказали важные услуги мореплаванию и географии; но величайшее их благодеяние заключается в том, что они рассеяли страх, внушаемый небесными явлениями, и искоренили заблуждения, порожденные незнанием наших истинных отношений к природе»¹¹. Какое такое особенное величие видит Лаплас в астрономии? «Астрономия, говорит Лаплас, открыла человеку истинную систему мира. Значит ли это, что она способствовала постижению сущности мира? Нисколько. <...> Что разумеет Лаплас под истинными отношениями к природе? Вообще, какая тайная мысль увлекла творца “Небесной механики” к таким явно непоследовательным суждениям?»¹² Ключ к раскрытию тайны восхищения Лапласа астрономическими открытиями Страхов находит в его

⁹ Пружинин Б. И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. С. 141.

¹⁰ Страхов Н. Н. Мир как целое. С. 210—211. Пер. Н. Н. Стрехова.

¹¹ Там же. С. 211.

¹² Там же. С. 212—213.

допущении реальности обитаемых миров, что могло бы считаться важнейшей истиной в познании мира. «В самом деле, не в том дело, что человек прежде считал землю неподвижной, а в том, что <...> он принимал свой род за единственное богоподобное творение. <...> И вот откуда проистекли те мнения, которые выражает Лаглас. Предмет астрономии потому высок, что звезды — не просто безжизненные круглые глыбы, это — целые миры, наполненные всеми богатствами жизни и красоты; так что наше понятие о мироздании было бы ничтожно, если бы мы не знали об этих мирах»¹³. Подобно тому как великие географические открытия раскрыли людям глаза на многообразии и закономерности форм жизни на земле, так обследование космоса должно показать, что человек — «песчинка в океане существования, и жизнь его со всем ее содержанием, с его знанием и душой — ничтожна, как чуть видная волна в этом океане»¹⁴.

Такой перенос опыта удивления земному многообразию на вселенную Н. Н. Страхов объясняет только «прямым остатком старых привычек» земных первопроходцев ожидания от расширения изведанных пространств все нового, необычного, неповторимого. Привычка эта весьма распространена среди людей самого разного склада ума, в пример чего Страхов приводит высказывания и скептика Конта, и верующего Шеллинга¹⁵. Трезвый же взгляд на развитие астрономии показывает, что в мироздании царит однообразие, а не разнообразие. «Чего не выдумывали люди в рассуждении звезд и планет! <...> Что же оказалось? Планеты — та же земля; звезды — то же солнце; и до бесконечности небес все то же и то же, все солнца да планеты, да пространство, не имеющее конца...»¹⁶ К этому месту в тексте Н. Н. Страхова Н. П. Ильин дает примечание, что мысль Страхова совпадает с тем утверждением о единстве фундаментальных свойств материального мира, которое в современной физике называется «космологическим принципом»¹⁷. Единство законов и сил на земле и на небе в философии Страхова имеет основополагающее значение, которое раскрывает вся книга, а именно, «это имеет не тот смысл, будто мы нашу ничтожную землю хотим сделать образцом для всего великого мироздания, но тот, что величие целого мироздания отражается в Земле, что в ней вполне выразилась сущность мира»¹⁸.

---

¹³ Там же. С. 214.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Там же. С. 227—228.

¹⁶ Там же. С. 227.

¹⁷ См.: Там же. С. 498.

¹⁸ Там же. С. 229. К рассуждению о единообразии законов природы примыкает по смыслу еще один ироничный фрагмент, ирония которого продолжает быть актуаль-

Итак, если с познавательным предрассудком бесконечной новизны мира более или менее ясно, то что еще интересного может дать нам рассмотрение других «образов» «жителей планет», представленных в научно-популярной литературе европейского просвещения? Если не естествознание, не знание о мире, а собственные потребности человеческой души являются источником фантазий о «жителях планет», то что мы можем узнать о себе из частных случаев выражения веры человека «в бытие существ более совершенных, чем он сам»¹⁹? «Мы улетаем мысленно к счастливым жителям планет, чтобы отдохнуть от скуки и тоски земной жизни. <...> Такие мечты очень многочисленны; они имеют техническое название — *утопия* <...> По самому источнику таких созданий воображения видно, что они выражают более или менее высокие стремления человеческого ума; и действительно, часто в них высказываются возвышеннейшие и благороднейшие надежды и желания»²⁰.

Сравнивая утопические сказки французских просветителей Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» и Вольтера «Микромегас»²¹ как «частный пример, где бы выразились человеческие стремления к *иной* духовной жизни», Страхов указывает индивидуальные различия авторов-современников, блестящих, остроумных писателей, сказывающиеся и на смысле, и на значении их произведений-утопий: «Вольтер часто наивен, прост, приходит в действительное затруднение перед вопросом и делает искренние восклицания. Фонтенель всегда лукав и коварен, всегда доволен своим умом и своими словами и делает восклицания

ной вот уже 150 лет, а энтузиасты установления контактов с инопланетными учеными, кажется, не переведутся никогда: «Законы механики в этом отношении совершенно похожи на теоремы геометрии. Эти теоремы справедливы везде без исключения. На этом замечании был даже некогда построен весьма основательный проект, имевший целью войти в сношения с жителями Луны. Какой-то ученый, и едва ли не немецкий, предлагал какому-то правительству, и едва ли не русскому, где-нибудь на больших пространствах изобразить яркими огнями какой-нибудь геометрический чертеж, например чертеж Пифагоровой теоремы. Жители луны, которые, вероятно, не менее Пифагора радовались открытию этой теоремы и, может быть, так же принесли за это в жертву богам сто лунных быков, без сомнения, узнали бы чертеж и любезно отвечали бы нам другим чертежом. Ученый, кажется, прибавлял еще, что если бы этот способ не удался, т. е. если бы оказалось, что жители Луны не знают геометрии, то мы бы, по крайней мере, убедились, что с ними не стоит знакомиться» (Там же. С. 223). По-видимому, некоторые культурно-исторические «внутренние формы» научного творчества имеют силу для всей истории науки, сколько бы она ни продлилась, и как бы ни преобладал фальсифицирующий опыт над верифицируемым.

¹⁹ Там же. С. 230.

²⁰ Там же.

²¹ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. Гл. IV. С. 229—246.

только в шутку²². <...> Фонтенель равнодушен к другим мирам потому, что он равнодушен к нашему миру. <...> Ему нравится воображать мир в виде бесконечной перетасовки карт, его остроумие совершенно удовлетворено этими разнообразными сочетаниями, и он в восторге называет их удивительными секретами природы»²³. В своем сочинении этот ученый-писатель часто позволял себе невозможные, противоречивые сочетания, но, как думает Страхов, не замечал этого, потому что «любил противоречия, находил в них свое удовольствие»²⁴. Вольтер, в оценке Страхова, не только справедлив в высмеивании недостатка вкуса у Фонтенеля, но «смысл Вольтеровой сказки далеко выше Фонтенелевых рассуждений. Вольтер не совсем принадлежал к числу людей, довольных жизнью, он глубоко чувствовал этот вопрос и, заговорив о жителях планет, прямо выставил его»²⁵. Поэтому Страхов пересказывает несколько отрывков из сказки Вольтера, присоединяя свой исторический и научный комментарий: «Вольтер осмеивает земную жизнь и осмеивает чрезвычайно просто — перенося ее на планеты. <...> Выставляя частные обстоятельства своего времени, как будто явления общие и необходимые, Вольтер тем резче выставляет всю их случайность и неразумность»²⁶ (речь идет, например, о невежестве судей, о преследовании еретиков, авторов книг и т. п.).

«Форма, в которой Вольтер выражает недовольство, также замечательна. Как истинный сын XVIII века, Вольтер принимает за величайшее зло жизни *скуку*»²⁷ и выражает «целый взгляд на жизнь», представляющий «странное смещение пессимизма и оптимизма»:

²² Там же. С. 231.

²³ Там же. С. 233.

²⁴ Там же. С. 233. Н. Н. Страхов делает еще одно интересное замечание о стиле Фонтенеля: «Между прочим, в течение своей долгой жизни он постоянно писал похвальные речи умершим ученым; в этих речах тот же дух [противоречия], то же стремление. Никогда, даже говоря о величайших умах человечества, Фонтенель не мог найти точки опоры для своих суждений, не мог понять той глубочайшей природы лица, из которой объясняются все его действия. Поэтому на величайшие подвиги и заслуги он умел смотреть с дурной стороны и был очень доволен тем, что его похвалы походили на насмешки. <...> Фонтенель принимал за изысканность какую-то изысканность, вычурную иногда до нестерпимости» (Там же). Здесь Страховым отмечена, хотя никак не названа, одна характерная черта эстетики просвещенческой светскости, о которой в XX веке писал Гадамер, — эстетическая «профанация», «кошунство» и «вандализм», против которых восстает настоящее искусство, в произведении которого «всегда присутствует нечто сакральное» (см.: Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 199).

²⁵ Страхов Н. Н. Мир как целое. С. 233.

²⁶ Там же. С. 235.

²⁷ Там же. С. 240.

мы недовольны жизнью, чувствуя свое глубокое несовершенство и мимолетность жизни и завидуя высшим существам; но зависть эта напрасна, потому что высшие по сравнению с нами существа так же недовольны своей жизнью и собой, у всех желания превышают потребности, а потребности превышают их удовлетворение; по-сему здравомыслящие при любой продолжительности и богатстве жизни умеют примириться со своей долей²⁸. «Очевидный смысл всего рассказа [Вольтера] тот, что краткость жизни есть мечта <...>. Если мы будем мерить время нашей жизни вечностью, то оно всегда будет ничтожно <...>. Нужно взять другую меру. Этой мерой не может быть ничто иное, кроме *содержания* нашей жизни»²⁹.

Одновременно Страхов обращает внимание на несуразности в понятиях и представлениях ученых людей XVII—XVIII веков. Так, Вольтер и Лейбниц считали возможным существование живых существ огромного размера — «представления такого рода можно считать даже обыкновенными для всех эпох и народов, они составляют естественную ошибку человеческого ума. <...> Ум человеческий ошибается, если, *не зная* связи, он полагает, что *нет* связи; успехи наук состоят только в том, что показывают связь там, где ее еще не находили. Связь между величиною и формою несомненна. <...> Греки, так хорошо понимавшие смысл формы нашего тела, представили нам Геркулеса человеком среднего роста»³⁰. Далее целую главу Страхов посвящает опровержению представлений Фонтенеля, Вольтера и Конта о возможности существ, обладающих большим по сравнению с земными, количеством «внешних чувств», т. е. ощущений и восприятий³¹.

Специально Страхов обращает внимание на пародийное изображение Вольтером учения Локка о множественных субстанциях и свойствах: «Не легко выставить с такой простотой и выпуклостью

²⁸ См.: Страхов Н. Н. Мир как целое. С. 239—241.

²⁹ Там же. С. 241.

³⁰ Там же. С. 236. И снова мы встречаем здесь пример «глубокомысленной шутовщины» Н. Н. Страхова: «На нашей скромной планете, как известно, смешон был бы тот, кто, будучи высокого роста, стал бы на этом основании смотреть свысока на других людей; точно так же мы не считаем особенно основательным, если люди маленького роста считают себя обиженными природой и не могут утешиться в этой обиде. В век Вольтера, между прочим, любили высоких женщин, нынче, как известно, значение этого свойства несколько ослабело» (Там же. С. 237). Многочисленные подобные замечания в статьях и книгах Страхова позволяют догадываться, насколько содержательным, увлекательным собеседником он был в личном общении, почему так ждали его приездов и не наскучивались его многодневным общением Толстой, Фет, Данилевский и другие не слишком общительные интеллектуалы, хотя в больших компаниях Страхов вел себя крайне скромно и молчаливо.

³¹ См.: Там же. С. 246—255.

характеристические черты учения и довести их до той степени ясности, что мелкость и фальшивость взгляда делается осязательной сама собой»³². Вольтеровский персонаж говорит об открытии сатурнийцами трехсот необходимых свойств вещества и тридцати субстанций, включая в это число и Бога. Но необходимых, существенных свойств не может и не должно быть много: «чем меньше у нас таких свойств, тем глубже наше познание сущности, которой они принадлежат. <...> Цель познания — вывести все из одного свойства, из коренной черты сущности»³³. Изобилие субстанций, с которыми уравнивается и Бог, свидетельствует также о слабости познания, поскольку мышление — «есть сведение многого на одно». Количество познаний само по себе не представляет ценности, и эту древнюю мудрость, наверное, можно признать универсальной в истории, хотя ее постоянно приходится повторять перед лицом увлечения многознанием без ума, любопытствующей «жадность, доходящей до истинной прожорливости»³⁴.

Как истинный рационалист и гегельянец Н. Н. Страхов воспевает настоящее высшее достоинство человека — мыслящий разум: «Ум — центральная, сосредоточивающая сила. <...> Вот почему ум останавливается, обзревает все, что уже в его власти, определяет главные точки, центральные вопросы, — на них устремляет все свое внимание и, следовательно, необходимо оставлять в тени то, что далеко от этих вопросов. Так он поступает в каждой частной науке, в каждом мелочном исследовании, так поступает он и в отношении к целой жизни, к целой области мышления, ко всему миру. Ум есть деятельность вполне свободная, перед которой открыты все пути. Никак нельзя сказать, чтобы где-нибудь на планетах ум еще свободнее избирал предметы и ставил вопросы, чем на Земле. Не хуже других обитателей мира мы умеем избрать глубочайшую и занимательнейшую задачу»³⁵.

³² Там же. С. 244.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 245.

³⁵ Там же. С. 245—246. В связи с вопросом о мировоззренческих основаниях деятельности сильного ума в области проблемы существования/поиска внеземных разумных существ немалый интерес представляет случай выдающегося астрофизика XX века Иосифа Самуиловича Шкловского, который, будучи одним из лидеров проекта SETI в СССР, «вдруг» заявил о переходе на противоположную позицию уникальности земного человеческого разума. Приведем фрагменты рассуждения об этом коллеги и биографа И. С. Шкловского, Л. М. Гиндилиса: «Изменение позиции Шкловского по проблеме множественности обитаемых миров явилось полной неожиданностью для многих и до сих пор продолжает волновать тех, кто интересуется проблемой SETI. Как понять эволюцию его взглядов? <...> Думаю, разгадка лежит в личности Шкловского. Он был не только крупнейшим астрофизиком нашего времени, но и человеком широко талантливым: хорошо

Н. Н. Страхов нашел в XVII веке только одного автора-ученого, не отошедшего в интересующем его вопросе от позиции строгого научного применения ума и здравого смысла, о котором он еще раз напоминает в конце статьи: «Самый простой и правильный взгляд на жителей планет <...> это и самый обыкновенный взгляд. Простые смертные, не увлекаясь ни философскими фантазиями вроде Вольтера, ни боязливым скептицизмом ученых мужей, конечно, всего естественнее предполагали, что если другие миры населены, то там находятся такие же существа, как на земле»³⁶. Этот здравомыслящий ученый — выдающийся математик и астроном Гюйгенс, написавший книгу «Зритель мира, или О небесных странах и их убранстве». «В этой книге автор старается последовательно и строго доказать, что жители иных миров должны во всех существенных чертах походить на людей, и точно так же другие организмы должны походить на наших животных и наши растения. Соображения его чрезвычайно просты и часто поражают своей неизысканной меткостью. <...> Доказательства

рисовал, прекрасно знал поэзию, мог без конца наизусть читать стихи, обладал удивительным даром рассказчика и незаурядным литературным даром. Об этом сегодня много говорилось. Но все это характеризует его не в полной мере. Шкловский обладал одним редким качеством — он был *мыслителем*. Он серьезно интересовался глобальными проблемами современности задолго до того как появился и получил права гражданства сам этот термин. <...> Он указывал на необходимость изучения закономерностей развития космических цивилизаций, подчеркивал, что проблема внеземных цивилизаций является, в первую очередь, проблемой социологической, ее нельзя подменять более узкой задачей связи, тем более акцентируя внимание на технических аспектах межзвездных коммуникаций. Как мыслителя Шкловского не удовлетворяла наивная вера некоторых исследователей в то, что достаточно построить большой радиотелескоп, и вековая проблема установления связи с внеземным разумом будет решена. Он называл такую точку зрения “подростковым оптимизмом”, и мне кажется, она вызывала у него известное раздражение. Может быть, эта неудовлетворенность, этот внутренний протест против упрощенческого подхода к проблеме породил разочарование и тем самым сыграл определенную роль в эволюции его взглядов. <...> В чем же причины глубоко пессимистического взгляда Шкловского на проблему внеземных цивилизаций? Думаю, они состоят в следующем. Шкловский никогда не был безразличен к судьбе нашей земной цивилизации. *Остро ощущая противоречия современного мира, всю несообразность жизни на нашей планете, он пришел к ощущению крайнего пессимизма во всем, выражением которого и явилась идея об одиночестве нашей цивилизации, а позднее — о тупиковом пути, связанном с приобретением разума.* (Курсив мой. — Е. М.) Думаю, это трагедия крупного ученого и гражданина, мысль которого не могла смириться с тем, что он видел на Земле, и который на какой-то момент потерял светлую перспективу» (*Гиндилис Л. М. SETI: Шкловский, Каплан и Пикельнер. Доклад на конференции «Современные проблемы астрофизики», посвященной памяти И. С. Шкловского, С. А. Каплана и С. Б. Пикельнера. Москва, ГАИШ, сентябрь 1996. (Труды ГАИШ, в печати) // URL: <http://cmm.univer.omsk.su/seti/1-3-1-w.htm>, дата обращения 17.03.2014.*)

³⁶ Страхов Н. Н. Мир как целое. С. 261—262.

его не всегда сильны и строги, но всегда верны в основании. Он ошибается именно там, где вздумает предположить разницу между людьми и жителями планет. Например, он говорит, что у этих жителей может быть другая форма носа и другое положение глаз, что лицо такого рода для нас должно казаться отвратительным, но что там, на планетах, вероятно, к нему привыкли и находят его красивым»³⁷.

Симпатия Страхова к Гюйгенсу выражена откровенно, без обиняков: «Книга Гюйгенса, которую мало знают и, кажется, вообще принимают за неудачную фантазию, неприличную для ученого мужа, оставляет после себя чрезвычайно сильное впечатление. В то время, когда она писана, естественные науки еще недавно поднялись и открывали свою эру первыми, хотя гигантскими шагами. И что же? Читая Гюйгенса, нельзя без удивления видеть, что все последующие открытия не только не опровергают его взгляда, но могли бы служить для большего его подтверждения. <...> Отсюда видно, что мысль Гюйгенса принадлежит к числу тех простых и верных мыслей, которые переживают века. <...> Не делает ли величайшей чести Гюйгенсу то, что он так верно и просто понял новый дух, проникавший в его время в исследования природы?»³⁸ Страхов и сам был, на взгляд многих, ученым и писателем странным, но в конце своей полувековой творческой жизни он радовался тому, что мог смело переиздавать без исправлений свои ранние научно-философские работы.

Единство и целостность мира, единство и взаимозависимость изучаемых наукой явлений проявляются для Н. Н. Страхова и в такой существенной черте времени, которую мы называем глобальной культурой: «Мы гордимся тем, что мы — наследники умственной жизни римлян и греков, и даже древних индусов, и что теперь каждое открытие, каждая мысль, где бы они ни родились, отзываются во всех концах образованного мира. Мы стремимся с жадностью поглощать все явления духа, каковы бы они ни были»³⁹. Рациональная научная вера Страхова периода работы над книгой «Мир как целое» проявляется и в убежденности в возможности открытия

³⁷ Там же. С. 262—263. И эта «вечная» разновидность заблуждения многие годы была темой страховских размышлений: «Источник фальши, очевидно, заключается в самой двойственности человеческой жизни. Что бы мы ни делали, что бы ни чувствовали и ни мыслили, все существует для нас в двух видах: во-первых, как действительность, как действительное дело, чувство, мышление, и, во-вторых, как идея, представление об этом самом деле, чувстве и мысли. Эта способность представления и ведет нас к фальши, так как дает возможность человеку уклоняться от действительности и вместо настоящих явлений производить их подобия» (*Страхов Н. Н.* Главная задача истории // *Исторический вестник.* 1901. Т. 83. № 3. С. 1012—1013).

³⁸ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. С. 263.

³⁹ Там же. С. 266.

нравственных законов. «Наша духовная жизнь образуется и развивается не менее правильно, не менее строго законно, как и совершаются какие-нибудь физические или химические явления. Начиная от простейших ощущений и до глубочайших мыслей, чувств и желаний, — психические явления тесно связаны между собою и вытекают из единой сущности. Они не могут быть перестраиваемы произвольно, они не должны быть понимаемы, как частное сочетание свойств, созданное капризной фантазией чуждых нам сил и вложенное в нас извне. Следовательно, нам нужно было бы показать законное и неизбежное их развитие из глубочайшей глубины человеческой сущности, — той таинственной глубины, где сливаются дух и тело, где, как в центре тяжести, сосредоточено все наше существование»⁴⁰.

Человек — загадка и задача, решение которой может выноситься при определенных социокультурных условиях развития познания и практики, — в вымышленные формы «инопланетных цивилизаций». В XVII—XIX веках — времена научно-познавательного оптимизма — фантазии об инопланетянах носят в основном характер утопий, которым здравый гуманистический смысл придает добрую, позитивную окраску. В XX веке — веке мировых войн и революций — и в мире инопланетян господствуют сюжеты войны, жестоких столкновений добра со злом, причем сила зла невероятно, фантастически велика, а инопланетная жизнь, как и историческая перспектива землян, предстает в основном в трагических антиутопиях. Но это в общей логике движения знания. А у индивидуального мышления перспектив гораздо больше. Со временем, в ходе глубокой внутренней философской работы Н. Н. Страхов признал проблематичность логики истории идей и первенство духовно-религиозного измерения проблемы самопонимания человека, выражающегося в том числе в представлениях о «другой» жизни. Но оставаясь на позициях строгого мышления, он никогда не мог преодолеть предметную и эпистемологическую недосказанность в вопросе о законосообразности нравственного развития, нерешенности тайны будущего, многообразия возможностей человеческой (не инопланетной!) жизни.

⁴⁰ Там же. С. 231. В уяснении Н. Н. Страховым границы возможностей решения последней задачи — показать необходимое развитие духовной жизни из единого целостного духовно-телесного начала — огромную роль сыграли творчество и личность Л. Н. Толстого, который именно гениально умел «показывать» душевное и духовное развитие человека с такой степенью правдивости, какой невозможно достичь на путях рациональной, научно формулируемой истины.